

IORDAN LYUTSKANOV

Bulgaria, Sofia

Institute for Literature of the Bulgarian Academy of Sciences

**From Whom, Why, and What to Learn?
(19th-century Bulgarian Literature and Foreign Influences/Foreign
Orientation)**

The paper revisits the issue of foreign influence in 19th century Bulgarian literature. It does so in order to rethink a much broader question, one I regard unanswerable, namely: how do elective affinities between cultures occur?

It introduces into the epoch, then approaches the issue in two ways: diachronically and synchronically. First, periods of dominance of one or another foreign culture and literature are acknowledged. Second, the problem of monoculturalism is paid attention. The question of whether and how the shifts in orientation served cultural continuity has been touched upon. The concepts of „foreign influence (in)“ and „foreign orientation (orientation to foreign culture(s))“ are used interchangeably, in order to focus on non-terminological issues.

Key words: Bulgarian literature; orientation to foreign literatures; 19th century; typology and periodisation of orientations; europeisation/modernization; poly- and monoculturalism; intercultural mediation.

Й. Д. ЛЮЦКАНОВ

София, България,

Институт литературы Болгарской АН

**У кого, чему и зачем учиться?
(Болгарская литература XIX века и ориентация на
иностраные литературы)**

Чем предпосылается и чем стимулируется расширенная? осознанная? продвинутая? восприимчивость к той или иной культуре? Как возникают связи по выбору?

Прямой ответ на эти вопросы нам не по силам, поэтому мы попробуем исторический рассказ о болгарской литературе, в ходе которого наметятся некоторые возможные ответы. Однако, конструируя общую картину, мы полностью отдаем себе отчет в том, что эта картина не может быть равнозначно подтверждена имеющимися первичными источниками.

В конце XIV века болгарскому государству положен конец. Вскоре почти все политические центры балкано-малоазийского сообщества культур падают под власть турков-османов. “Высокая” культура “византийс-

кого суперэтнуса” либо гибнет, либо капсулируется, медленно становясь культурой реликтовой. Политическое ослабление Османского государства сопровождается возрастающим осознанием и инструментализацией языковых, церковных и этнических различий внутри управляемого вселенским патриархом “рум-миллиет”. Каждая из этнических групп, ранее или позднее, вооружается символическим и генетическим капиталом балканских государств, существовавших в средневековье. XVIII-XIX века описываются как эпоха национального возрождения – в историографии греков, сербов и болгар. Каждому из этих этносов надлежит определиться – к какой группе народов, воображаемой или реальной, принадлежать, с кем делиться ценностями. Высокая порта и Вселенская патриархия скорее отталкивали, нежели притягивали.

Философский смысл происходящего указан самими яркими болгарскими произведениями эпохи: “История славяноболгарская” (1762)¹ отца Паисия Хилендарского (1722-1773; монах Хилендарского монастыря на Афоне), и “Ложнопонятая цивилизация”² (1871), комедия Добри Войникова (1833-1878). Первое произведение символически “открывает” эпоху, второе символически ее “завершает”, давая при этом, как пишет историк литературы, проблематику *последующего* периода в гротескно-предвосхищающем виде (Жечев 1990: 173). Эти произведения превращают в факты становящейся национальной культуры два мотива: мотив стыда за свои корни и мотив обезьяньего подражания Европе. Их общий знаменатель – боязнь одиночества, как проблема над-индивидуальной личности.

Боязнь одиночества, как проблема индивидуальной личности, возникает после решения *той* проблемы. Но к началу XX века и *та* остается нерешенной. Ранний болгарский модернизм, рубежа веков, борется с обеими проблемами: коллективного и индивидуального одиночества.

С точки зрения национальной историографии словосочетание “болгарская литература XIX века” не имеет смысла. Главный политический рубеж – восстановление болгарского государства в 1878 году – считается и рубежом литературным. Литература Княжества и Третьего царства наследует литературе Национального возрождения. Но на протяжении десятилетий болгарская культура (и литература) живет как бы на двух скоростях, следует двум параллельным путям (Жечев 1990: 45): по причинам, прежде всего политическим, национальное возрождение затягивается до Второй мировой войны и имеет несколько неожиданный исход – рождение македонской нации осенью 1944 года³. Национальный миф усматривает начало Возрождения и начало новоболгарской литературы в указанном сочинении отца Паисия – в “Истории славяноболгарской” (1762 год). История отца Паисия ошеломляет вводимым контрастом: у болгар славное прошлое – и жалкое настоящее; внушается мысль о прошлом как о залоге для будущего (действует логика притчи о талантах, Матфей 25: 13-30). Однако еще в начале XX века академическая наука указывала, что дело Паисия не первоисточник и не единственный катализатор болгарского Возрождения

(см. Иван Шишманов. “Паисий и его эпоха”, 1914 – Шишманов 1965-1971, 1: 81-93, 92).

А современное литературоведение отказывает сочинению Паисия в художественности (Георгиев 1987: 26/210*). Одним словом, литература пост-средневекового типа формируется у болгар в первой половине XIX века, и начинается она с поэзии (тогда же)⁴. У истоков этой литературы – литература переводная.

Характерное явление эпохи – перевод-адаптация⁵. Оно объясняется преобладанием национально-языкового фактора (Георгиев 1987: 16/210): основная функция и оригинальных, и переводных текстов – обозначить и доказать существование болгарского этноса и болгарского языка, а также возможность создания литературы на этом языке (Георгиев 1993: 12/39).

Балканская культура эпохи национальных возрождений выглядит довольно странно, что явственно прослеживается на примере болгарской. Прочитав сочинение нашего старшего современника: “С одной стороны выступает “болгарский еллинизм”, владение античности в оригинале, а с другой – начитанность в более современной форме европейской философии. Этот странный синтез достигает свой пик в ватопедской школе, где философия Декарта преподается на катаревуса глоса, на языке, несколькими веками предшествующем рождению Декарта” (Свинтила 2008: 19)⁶. “Реминисценции из других времен и эпох возведены в единство идеей, что все они – “настоящее”” (Свинтила 2008: 20). “Это вживание [в европейскую цивилизацию] (...) имагинерно (...) портные города Русе на Дунае не хуже парижских, но при стройках все еще обходятся без прямого угла и отвеса” (Свинтила 2008: 23).

Наиболее запоминающийся опыт создания когерентного образа этой ситуации, применительно к литературе, предпринят Георгием Гачевым, в его работе “Ускоренное развитие литературы. На материале болгарской литературы первой половины XIX века” (1964). Насколько можно судить, теория Гачева имеет свои глубинные основания в формационном понимании истории; на основе цивилизационного подхода возможны иные обобщения.

1. В истории болгарской литературы *хронологического* XIX века выделяются три периода в том, что касается преобладания ориентации на определенную иностранную литературу. Так, до 1830-х–40-х годов болгарская литература ориентируется преимущественно на новогреческую. С 40-х гг. – на русскую. А в конце века, в 90-х годах, наблюдается переориентация на немецкую.

Эти периоды можно синхронизировать с определенными этапами развития болгарской культуры. Так, период греческой ориентации и постепенного ее преодоления совпадает с (1) возникновением светской лите-

* Здесь и далее, при ссылках на электронные публикации приводим: очередной номер цитируемого абзаца/ общее количество абзацев.

ратуры; со спором о языке и месте иностранного обучения, о литературе и языке-посреднике (30–50-ые гг.); с открытием первой светской школы в Болгарии с обучением на болгарском языке, в 1835 г. в г. Габрово⁷. На период русской ориентации падает (2) спор о роли, национальной принадлежности и охвате должного быть переводимым и читаемым (1860–70-ые гг.). На начало периода немецкой ориентации приходится обострение (3) спора о назначении искусства (рождение эстетики) (1890-ые гг.).

1. 1. Ориентация на новогреческую литературу в наибольшей степени походит на инстинктивный выбор, здесь труднее всего найти программные высказывания, свидетельствующие о целенаправленности повышенной восприимчивости к новогреческой культуре. Прочитируем обобщения литературных историков.

“Первоначально до болгарского читателя доходят короткие анонимные и более развернутые произведения, связанные одним или другим образом с Востоком. Затем следует отчетливая ориентация к определенным жанрам древнегреческой литературы” (это происходит в первой четверти XIX века, см. Аретов 1990: 99), “позднее происходит переориентация на более недавние европейские литературы, тоже жанрово и тематически ограниченная. К середине века зарождается интерес к русской литературе, который на протяжении последующих десятилетий усиливается и надолго становится основным для болгарской культуры; меняется и интерес к типу писателей” (Аретов 1990: 235-236).

“Короткие повествовательные произведения с античным сюжетом приобщают болгарского читателя времен национального возрождения к определенному функциональному пласту европейской культуры. Только после закладывания этого пласта возможно идти по тем путям развития, которые предлежат культуре болгарского возрождения в ее начальный период” (Аретов 1990: 102).

В самом деле, античный сюжет не обязательно связан с греческим произведением. Обратимся к статистике переводов беллетристических произведений (включены и апокрифы); она охватывает период в 60 лет – с 1817 до 1877 года (от первого перевода до Освобождения). За 60 лет переведено произведений: 120 – с греческого; 58 – с французского; 56 – с русского; 16 – с сербо-хорватского; 15 – с церковно-славянского; 13 – с английского; и т.д. (Минчев 1908: 10).

“Преимущество греческого языка, как источника для переводов на наш язык, очевидно. Оно, без сомнения, покоится на греческом воспитании наших книжников рассматриваемого периода, и на обстоятельстве, что центром словесности на протяжении всей эпохи национального возрождения являлся Царьград, где эллинизм был тогда наиболее силен” (Минчев 1908: 10-11).

Характерное явление периода – билингвизм, одинаковое владение болгарским и новогреческим; Петр Берон (ок.1795-1871), Еммануиль Васкидович⁸ (1795-1875), Неофит Рильский (1793-1881), Гаврил Крыстевич (1817-1898), Петко Славейков (1827-1895) и др. пишут на двух языках

(Алексиева 1987: 261-2)⁹. В отличие от средних веков, теперь с греческого переводят западно-европейские произведения (греческая литература XIX века, согласно историку, бедна, и в основном состоит из переводных произведений – с французского, английского, немецкого); “если можно говорить об иностранном влиянии на болгарскую беллетристику в тот период, то оно может быть только западно-европейским. Из всех переведенных [с греческого] произведений [их 120!], только около 15 – греческих авторов, при этом большинство из них – жития” (Минчев 1908: 11).

Роль новогреческой литературы ограничивается посредничеством (Алексиева 1987: 261).

1. 2. Полемика, сопутствовавшая сдвигу от новогреческой к русской ориентации, подверглась академическому исследованию еще в конце XIX века. (См. Шишманов 1899а и Шишманов 1899 б). Сдвиг можно объяснять по-разному.

В становлении национального мифа на раннем этапе наиболее влиятельными оказались два историографических произведения. Одно собственное (“История славяноболгарская” отца Паисия Хилендарца, 1762) и одно иностранное (“Древние и нынешние болгары в их политическом, этнографическом, историческом и религиозном отношении к русским” российского гражданина Юрия Венелина (1802-1839), в 3-х тт., 1829-41 гг.). Если упростить до схемы вызов – реакция, то само болгарское национальное возрождение было реакцией на историю Паисия; а ориентация на русскую культуру и осознание идеи культуры-посредника было реакцией на историю Венелина.

История Венелина стимулирует обоюдный интерес болгар и русских. Она порождает немедленную беллетристическую реплику – повесть русского романтика Александра Вельтмана (1800-1870) “Райна, княгиня Болгарская” (1843)¹⁰. По-видимому, история и повесть плодотворно взаимодействуют с некими архетипами, или мифами, на уровне коллективного подсознания болгар: о несчастной фамилии и о потерянном кладе (см. Аретов 2006). В результате “вторичная” (национальная) мифология доминируется руско-центрическими мифами: Дядо Иван (см. Трифонов 1908), Райна княгиня, см. Аретов 2009б и Аретов 2006. Наперекор исторической истине киевский князь Святослав входит в роль спасителя ‘несчастной фамилии’ болгарского царского двора, женится на болгарской царевне. Миф о Райне, сотворенный Вельтманом в повести “Райна, княгиня Болгарская”, неизбежно работает на пользу русскому влиянию, и во вред греческому. Он воскрешает средневековую историю под знаком греко-болгарской вражды. “Разговор скифа с еллином” (1853)^{*} – памятник мифологиза-

* Точное заглавие: “Повести сравнения. За приятелството на древните елини и славяни”. Переводчик (П. Кисимов) на источник, “Теоксарис или о дружбе” Лукиана (Аретов 2009а: 37/40), не указал.

ции в обратном направлении (Аретов 1990), тенденции включения себя в некое балканское культурное сообщество. Но это произведение не оказалось достаточно влиятельным.

Наметим и другое объяснение. Отношения между становящимися балканскими нациями характеризуются скорее растущим антагонизмом, чем сотрудиничеством. Курс греческих националистов на восстановление Византии, понимаемой как греческое государство (*Мегали идея*), и борьба болгар за независимую церковь (борьба в некоторой степени реактивная), порождают в 30-х–40-х гг. открытый греко-болгарский конфликт на межэтнической основе¹¹ (ставший на несколько десятилетий одной из узловых проблем в т.н. Восточном вопросе)¹². Российская внешняя политика постепенно отходит от эллинофильских позиций и обретает двойственный характер; в общественном же мнении превес имеют симпатии к болгарам. “Вовремя” (т.е. после Крымской войны) усиливается русская пропаганда**. Борьба за независимую церковь делает более ясными противоречия, позиции, иерархии целей и средств. Утилитаризм исповедуется и деятелями движения за церковную независимость (борьба увенчалась фирманом об учреждении Болгарского экзархата, 1870 г.), и деятелями национально-освободительного движения (ср. Минчев 1908: 11–12). В 60-ые годы русская интеллигенция оказывается поставщиком нужного идиома – критические работы Чернышевского и т.н. революционных демократов в целом¹³.

Наконец, немаловажна лингвистическая близость русского и болгарского (в словаре), русского и языка большинства церковных книг (в грамматике и словаре).

Показательной для периода и для позиции русофильствующей части интеллигенции, является статья первого болгарского литературного критика Нешо Бончева (1839–1878) 1873 г. с длинным заглавием “Классические европейские писатели на болгарском языке и польза от изучения их сочинений” (Критика 1981: 378–386).

Важные моменты для внутренней периодизации русского преобладания: 1) переориентация новоболгарского образования: Априловская школа готовит учеников для отправления в российские учебные заведения (часть воспитанников возвращается преподавать в Габрове), с 1835 г.; формирование болгарской колонии в Одессе (1830-ые гг.); обеспечение государственных стипендий для болгар в некоторых российских университетах и средних учебных заведениях, после ходатайства перед императорским правительством, в 1846–47 гг. (Шишманов 1899а: 26); 2) переориентация переводной деятельности и начало синхронизации болгарской и русской культур, примерно с середины 1850-х гг. (ср. Минчев 1908: 11; Шишманов

** На этот период приходится и деятельность Найдена Герова (1823–1900), как русского вице-консула в Пловдиве.

1899а); 3) обострение борьбы за независимую церковь (ситуация, должно быть, ускоряет осложнение и углубление прагматического подхода как к греческой, так и к русской культуре), 1860-ые гг.; 4) Освобождение (импорт русских книг становится законным).

Русская ориентация подвергается критике на нескольких уровнях: 1) на политическом; 2) на уровне заботы о литературном языке; 3) озабоченности состоянием литературы; 4) озабоченности судьбами болгарской культуры и общества.

Наиболее известным памятником анти-российской полемики является, наверное, книга одного из крупнейших деятелей национально-освободительного движения, политика, поэта и лингвиста Георгия Раковского^{*}: “Переселение в Россию или русская убийственная политика к болгарам” (1859; букв. перевод болг. заглавия). В ней демифологизируются русско-болгарские отношения, в частности, рассматривается инициированная при Екатерине II российская политика обмена населением с Турцией (заселение болгар в Россию и татар на востоке Балканского полуострова).

Затем, самодержавие претит болгарским революционным демократам не меньше русских. У немалой части интеллигенции формируется приятие русской культуры, при неприятии русского государственного строя и российской политики. Часть же в принципе сторонилась русского влияния, считая Россию отсталой страной.

Реакцию вызывает русификация становящегося болгарского литературного языка; язык преподавания в светской школе полупонятен носителям болгарских наречий; де-турцизация словаря русскими воспитанниками сопровождается де-болгаризацией грамматики и того же словаря. Наиболее последовательна реакция Ивана Богорова, в 1860-х–1870-х гг.; она стала объектом академического внимания еще в конце XIX века (Шишманов 1899б).

Прочитируем образец критичности на ином уровне - озабоченности за будущее литературы, а также культуры и общества в целом: “Нам не надо идти учиться в Россию, где письменность без блеска и без силы [...] Нам не надо посылать нашу все еще честную и умную молодежь на места, где она может усвоить плохие доктрины, питаться материализмом, атеизмом и возвращаться потом с поруганными понятиями (изневерени идеи), не веря в ничто”. Согласно автору, Запад есть „цивилительное спасение [здесь сближаются слова “цивилизация” и “целительный”], которое нас спасет, и пусть мы оставим в сторону уснувший Восток, который закопал бы нас в свой ковчег” (Никола Генович, “Новая цивилизация”, 1869)^{*}. Россия воспринимается как источник, одновременно, отсталости и опасного новшества.

^{*} А тоже журналист, историк, этнограф. Съби (болг. Съби) Стойков Попович, 1821-1867.

^{*} Газ.: Турция, V, № 2, от 1 марта 1869 г. Цит по: Аретов 1995: 63.

Не без значения и тот факт, что русские воспитанники оставляют у своих современников впечатление о нетолерантности. (Примеры см. в: Аретов 1995: 63).

Затронем, ради сравнения с грузинским случаем, еще один вопрос: о литературе на русском языке. Первые издания некоторых произведений болгарских авторов в XIX веке – на русском (Любен Каравелов, 1834-1835-1879, Райко Жинзифов, 1839-1877). Но в этих случаях русский язык – средство общения, пропаганды (нацеленная на российского читателя), а не средство самовыражения. Двухязычие и диглоссия (функциональное распределение разных языков в языковой практике при возможном отсутствии сознания об их разности, Б. Успенский) – факты *только* индивидуального порядка¹⁴. Что касается греко-болгарского двухязычия либо диглоссии, оно затрагивало компактные массы болгарского населения, в том числе в его обиходе (богослужение на греческом, греческие владыки; на протяжении 50-х–70-х годов картина меняется).

Новогреческая и русская литературы являются *разного типа* посредниками: с русского переводят немалое и все большее число русских произведений. Следует отметить, что ориентация на русскую культуру сопровождается, хотя и не столь сильной, ориентацией на французскую. Но, согласно мнению исследователя, это не собственно французское влияние, а “влияние европейской культуры [...] во французской редакции” (Генчев 1979: 415)¹⁵. Французская ориентация – *междинная* по *типу*, между греческой и русской¹⁶.

1. 3. В 90-х годах налицо приметы новой ориентации, немецкой (Лауэр 1989: 268, 273 и сл.; Генчев 1979: 415). Она оказывается результатом совпадения факторов на многих уровнях общественного и культурного развития: острый кризис в отношениях между Болгарией и Россией в 1886-87 гг.; основание Софийского университета (Высшей педагогической школы) в 1888 г.; выпуск Лейпцигским университетом двух докторов философии, Ивана Шишманова (1862-1928) и Крыстю Крыстева (1866-1919), в том же 1888 г., причем первый будет среди основателей Высшей школы, а второй окажется первым профессиональным критиком в Болгарии...¹⁷ У Крыстю Крыстева и Пенчо Славейкова (1866-1912), по сути дела сотворивших ранний модернизм в Болгарии, значение русской литературы мыслится скорее как ‘претеритум’ или как ‘перфект’, а не как настоящее. О том свидетельствует, *оттенками мысли*, не один отрывок из Крыстева, а также автобиографические обобщения Пенчо Славейкова¹⁸. За очень короткий период в продуктах деятельности самих Крыстева и Славейкова наблюдаются глубокие изменения. Так, в конце 80-х они активно сотрудничают с оппозиционным журналом про-русской культурной ориентации. Не меняя свою базисную установку на сотворение автономной высокой культуры (независимой от рынка и от политиков) путем активного просвещения и эстетического воспитания грамотного населения, они (точнее, Крыстев) в 1891 г. основывают собственный журнал, “Мысль” (выходит

до 1907 г.). Сравнение между журналами “Библиотека св. Климента” (1888-1890) и “Мысль” (еще первый номер, ноябрь 1891 года) диагностично. И в том, что касается именного состава (присутствие немецких имен и произведений на значущих позициях в тексте журнального выпуска), и в том, что касается дисциплинарного профиля (от отсутствия критического отдела в “Библиотеке” до четкой дифференциации, при которой критический отдел выполняет пропедевтическую функцию – средствами научных педагогики, философии, эстетики, психологии)*.

Модель создания автономной высокой культуры и автономного литературного поля в условиях культурной и политической отсталости дает Германия (Германия времен становления классической эстетики – времен Гете, Шиллера и Канта) (Тиханов 1998: 187 и сл.), а не Россия. Симптоматично оброненное Пенчо Славейковым: “уровень российского общества времен Пушкина не выше сегодняшнего нашего” (“Потаенная скорбь поэта”, 1899 – Славейков 1925: 73-88 (86)), симптоматично отсутствие попыток подыскать русских кодификаторов автономной эстетики, современников Пушкина или более поздних: подходящих фигур, с значением для будущего, их просто нет. В конце XIX века российская культура решала тот же самый, на целый век затянувшийся, вопрос.

И русская, и немецкая культуры служили культурами-моделями. Но в отношении русской, сознательная ориентация, как на модель, отсутствовала; точнее, был сознательный выбор только в отношении такой цели, как найти наиболее подходящего посредника. В результате близкого общения болгарская культура оказалась, частично, слепком с русской; а болгарская литература считалась “дочерью” русской. Сходство проявляется, напр., в первостепенной значимости в болгарской литературе определенных писательских типов, считаемых характерными как раз для русской¹⁹; в тенденции к социальной сентиментальности и нравственному максимализму; в литературоцентричности культуры. Эту роль модели не следует путать с тем константным и локально-интенсивным влиянием, которое упражняет на болгарскую культуру французская. В силу рано укоренившегося в болгарской культуре сознания – или фантазии – о собственной отсталости, французская культура остается абсолютным, недостижимым центром (ср. Тиханов 1998: 187 и сл.). Она мыслится достижимой только в терминах индивидуального культурного уровня, а не коллективного. В данном отношении она “за горизонтом” будущего. Я полагаю, что культурный надлом после Первой мировой войны (порожденный политической катастрофой) в принципе закрыл этот горизонт для болгарской культуры. Она, в отличие, скажем, от румынской, не вышла на имперский горизонт автопроецирования.

* Сравнение основываем на работах (словарных статьях): Цанков, Стаматов 1985; Йорданов 1985.

2. Попробуем дать сведения о том, как оценивается каждый из этих периодов – во-первых, с точки зрения литераторов последующего, и, во-вторых, с точки зрения академической истории литературы.

2. 1. (а) Стоит, во-первых, прочитать у деятелей 1850-х–1870-х гг. (поры возобладавшего русского влияния) о греческом влиянии. Можно, наверно, отделить полемические высказывания, нацеленные на освобождение от греческого влияния, от высказываний констативных и имеющих более или менее *авто*полемический характер.

Так, Тодор Икономов (1835-1892), в опубликованной в 1871 г. в журнале “Читалище” (г. I, кн. 16 от 15.I.1871 г.) статье “Поэзия природы и наши потребности” (см.: Критика 1981: 184-188), пишет об отсутствии разборчивости у болгарских читателей и литератора, о их близости к греческим в том смысле, что и болгарин, и грек принадлежат общности неразборчиво потребляющих бесполезные книги, а как таковые – случайно или нет – указаны французские романы. Любен Каравелов²⁰ (1874) сходным образом ставит болгар и греков в одну группу – любящих ветхое и непотребное; среди ветхого и непотребного оказались “Потерянный рай” Мильтона, “Освобожденный Иерусалим” Тасо и “Солдат Яшка, красная рубашка, синие ласточки” от безымянного русского солдатского писателя (Критика 1981: 378).

(б) Стоит, затем, прочитать у Крстю Крстева и Пенчо Славейкова о роли русской литературы в истории болгарской. В 1890-1900-х гг. возникают условия критического (дистанцированного) осмысления результатов русского посредничества и, следовательно, в данном случае, воздействия на болгарскую литературу. Болгарская литература подходит к определению сути литературного творчества, созвучному раннему модернизму, и это требует пересмотра ставших традиционными утилитаристских установок. Идеологическая ангажированность русской литературы давно ощущалась или осознавалась, и эта ее особенность считалась (большинством имевших возможность высказать свое мнение болгарских литераторов) удобным преимуществом в деле просвещения болгарского общества. Вместе с тем к началу XX века осознается и отчетливо высказывается мысль о самоценности русской литературы в силу ее нравственного максимализма (т.е. она может остаться желанным и даже необходимым “партнером” или “учителем” вне зависимости от того, в какой мере она вписывается в роль посредника между болгарской культурой и европейскими).

Так, Пенчо Славейков не раз (см. отсылки в прим. 18) пишет, что благодарение русской литературе он научился различать человека и в животном; чем именно и его писания отличаются от многих модных в то время писаний. То есть должный модернизм по Славейкову сочетает, в конце концов, богочеловеческую перспективу (наиболее ярко выраженную у Достоевского), с перспективой сверхчеловечества Ницше. (Отсутствие про-христианской риторики у Славейкова суть дела не меняет.) В лице

Славейкова высокая болгарская культура собирается сочетать усвоенное у русских с усваиваемым у немцев.

Синтез социальной чуткости и *очеловеченного* “чистого” искусства (“нас *возвышающий* обман”, Пушкин) усматривается как характерный, как типопределяющий для русской литературы и литературной культуры, тем самым она имеет значение образца (но и в некоторой мере пройденного этапа) для основоположников болгарского модернизма; в том же и усматривается ее абсолютная ценность; симптоматично, что подобная оценка (в том же кругу деятелей) дается и древнегреческой литературе (подчеркиваем – древней, а не новой греческой)²¹.

(в) Период ориентации на немецкую культуру был насильственно оборван русификацией культуры сверху (с 1945 г.), что сильно затрудняет идентификацию беспристрастного взгляда на роль этого периода с позиций последующего.

2. 2. (а) Историк литературы Иван Шишманов о греческом влиянии. Шишманов призывает болгар к благодарности – всем, кто содействовал болгарскому просвещению, в том числе (и во вторую очередь, после русских) грекам (Шишманов 1899а, б). В другой его работе (1897) новая культурная ситуация ощущается явственнее; суть ее можно выразить так: “опасность миновала, пришло время заняться наукой”. Шишманов заочно успокаивает греческих националистов, боявшихся “славянского моря”: национальность, по Шишманову, зависит не от рассы, а от самосознания и культуры, в данном же отношении греческая культура уже доказала свои несомненные качества, будучи достаточно привлекательной для многих огречившихся славян, грецизация же албанцев продолжается (Шишманов 1897: 36). И, вместе с тем, рекомендует сочетание классической, славистической и диалектологической (новогреческие диалекты) образованности ради исследования греко-славяно-альбанских культурных взаимодействий; дает сжатую программу балканистики. Но, странно, адресирует эту задачу Русскому археологическому институту в Константинополе... (Шишманов 1897: 38). С другой стороны, Шишманов дезавуирует греко-фобские мифы в болгарской культурной памяти (Данова 2005).

(б) Иван Шишманов о русском влиянии. Он (как и Кростю Крыстев) считает болгарскую литературу дочерью русской. Обратим внимание на одну деталь. Характерен упрек (и у Шишманова, и у первого историка болгарского романа, Стефана Минчева (1874-1912) (Минчев 1908)) литераторам возрождения в плохом знании русской литературы и в архаических вкусах, из-за чего они проглядели русскую классическую литературу (см. рациональную критику этой точки зрения в работе Манолакев 1996). Упрек симптоматичен, особенно на фоне констатации, что болгарские литераторы, переводя с греческого, греческой литературой не интересовались, и отсутствии аналогичного упрека. Да, при этом замечается, что греческая литература XIX века бедна. Тем самым подразумевается ее относительная бесполезность, ненужность болгарскому читателю. Дело, од-

нако, в том, что греческая литература и общество находились в сходном положении (по сравнению с болгарскими) – они недавно, но несколькими десятилетиями раньше, вступили на путь европеизации. Мы не беремся рассуждать на тему, в какой мере опыт греческой оригинальной литературы востребован болгарскими возрожденцами. Мы хотим указать на факт, что патриархи научной истории литературы сочли неинтересность новогреческой литературы для болгарина сама собой разумеющейся. Это и есть симптом, печать их времени. Недооценка близкого. В наше время исследователь по-иному ставит акценты: “выдающиеся представители новогреческой прозы остаются незамеченными” болгарскими переводчиками XIX века (Алексиева 1987: 261). С удовлетворением отмечаем расширение коммуникативных способностей болгарской культуры: оказывается, ценен опыт любой культуры, а не только “больших”²².

3. К проблеме ориентации на иностранную культуру можно подойти и с точки зрения синхронии.

3. 1. Так, в 1850-х–1870-х годах сталкиваются несколько взглядов на должный состав болгарской литературы, за которыми узнается зависимость от разных иностранных образцов. Димитр Мутев (1818-1864) в 1858 г. возмущает, что подлинное богатство болгарской литературы – фольклор (Критика 1981: 44). Анонимный автор в 1860 г. призывает обратиться к староболгарской, т.е. средневековой, литературе – напр., к “Шестодневу” Иоанна Экзарха (Критика 1981: 50-52). Третьи (и их большинство) утверждают, что болгарская литература – нищая, и что должно переводить западную литературу (все равно с какого языка – французского, русского или греческого) (Критика 1981: 55 и др.).

(а) Наверное, тут сказываются разные рецептивные ориентации, или варианты болгарского национального мифа в период возрождения. Согласно современному исследователю, их четыре: христианский, ренессансный, славянский, индоевропейский (Аретов 1995: 17-72). Возобладание одной из версии внутренне разнородного славянского варианта не привело к исчезновению других вариантов.

(б) Затем, отношение к различным иностранным культурам, равно как и способ переживания родного и иностранного, зависит от места проживания интеллигента.

ба) В начале XX века, на этой основе, Пенчо Славейков делает набросок психо-эстетической типологии болгарской литературы. Коротко говоря, ‘сантиментальное’ и патетико-героическое рождаются в болгарских условиях у тех деятелей, кто проживал вне Османской империи, т.е. в эмиграции (имеется ввиду прежде всего Бухарест) – см.: “Болгарская поэзия [прежде и теперь]”, 1906 (Славейков 1922: 5-56 (12-13)).

Стоит вспомнить о внутреннем рубеже в болгарском XIX веке: Освобождение (1878). О вневходимости (имеется ввиду этнический ареал болгар) литературных центров до рубежа (исключения: Габрово, Шумен и нек. др.) – Стамбул, Бухарест, Одесса, Белград, Москва. Но все же стам-

бульская интеллигенция сохраняла 'наивное' (приблиз. в смысле Шиллеровского противоположения "наивной" и "сентиментальной" "поэзии") отношение к отечеству, к болгарам – т.е. к своему эстетическому объекту; воплощением этого типа является Петко Рачов Славейков (см. Славейков 1922: 12-13; а также: Кръстев, 1: 271-272*). Этот тип считается сыном, Пенчо, и его соратником, Кръстю Кръстевым, отошедшим в прошлое. Несмотря на то, что после Освобождения почти все болгарские писатели жили в болгарских городах.

бб) Попробую резюмировать наблюдения современного исследователя, Николая Аретова, над психологией разных групп болгарских интеллигентов, по признаку места учебы и пребывания: над московской группой 1850-х–60-х годов, прежде всего (Аретов 1995: 99-106). Эллинизм, как осознанная и подлежащая преодолению культурная установка, понижает у бывших эллиноманов чувствительность к славянизации и русификации. Он как бы понижает "иммунитет"; возможно, между ним и установкой на славянизацию есть какая-то невидимая для нас совместимость. Наоборот, вовлеченность в русскую культурное окружение, подверженность его воздействиям *понижает* восприимчивость к западноевропейской культуре, порождает страх "европаизма"; физическое удаление от России эту восприимчивость восстанавливает, зависимость от русскоцентричной идеологической позиции убывает. Вовлеченность в русское культурное окружение затрудняет интуитивное различие между фанариотами и прочими носителями греческой культуры; она может привести к враждебности к протестантам католикам на общем основании, без осмысления разности их позиций. Для болгар, воспитанников русских высших учебных заведений, характерно относительно лишенное внутренних конфликтов удаление от болгарской идентичности, при, все же, сохранении ее на каких-то уровнях. При возвращении в болгарские пределы чувствительность к западной культуре снова повышается.

Наблюдения Аретова наводят мысль на вопрос о социально-психологических условиях, делающих возможной поли-культурность.

3. 2. При синхронической постановке вопроса о влиянии проблема односторонней восприимчивости, монокультурности болгарского интеллигента кажется самой существенной: он ориентируется либо только на французскую, либо только на русскую или немецкую культуру, но не на нескольких одновременно. Проблема описывается в 1920-х годах, у Бояна Пенева ("Наша интеллигенция", 1924; Пенев 1985: 29-48). Она остро ставится нашим старшим современником, Николой Георгиевым, подвергаясь переакцентровке (Георгиев 1997: 111/145). Он же рассматривает проблему монокультурности в исторической перспективе. Вот что пишет Георгиев о

* "В лице П. Р. Славейкова мы ценим общественного деятеля и художника, выросшего из недр своего народа, страдавшего и радовавшегося его же радостями и скорбями".

поли-лингвистичности болгарина XIX века: “В силу политических, экономических, культурно-языковых условий [болгарского] XIX века часть тогдашних болгарских литераторов – а их было никак не мало – писали, кроме болгарского, на еще одном языке. Греческий, русский, румынский, сербский и французский – это главные пути их иноязычного творчества, причем некоторые из них ставили свою подпись под произведениями на трех разных языках”²³ (Георгиев 1992: 14/29)²⁴. Даже на этом фоне многоязычие в произведениях Пенчо Славейкова, первого модерниста в Болгарии, поражает²⁵. “Славейков наследует многоязычие болгарской литературы и культуры XIX века, и в их предельно общих границах продвигает их к новому отношению между родным и иностранным языком. В отличие от своих предшественников, он не рожден в иноязычной среде, и не уходит в таковую. И, в отличие от своих предшественников, Славейков не написал ни строчки художественной литературы по-немецки или на другом иностранном языке. С литературно-семиотической точки зрения, он с иностранным языком возвращается в родную литературу и культуру и, приправляя свои произведения иноязычными текстовыми отрезками, включает иностранный язык в новый тип оппозиции между своим и чужим” (Георгиев 1992: 15/29). Проблема в том, что многоязычие – даже в этом, трансформированном и перспективном для XX века виде, оказалось в болгарской культуре XX века совершенно невостребованным (Георгиев 1992: 12/29)²⁶.

В притче о талантах хозяин возвращается и наказывает слугу, закопавшего поверенный ему талант. В культуре Страшного суда нет; точнее, он творится ежедневно. В 1907 году молодой критик Димо Кьорчев, в статье со симптоматическим заглавием “Наши скорби”, перечисляет все то, что болгарская литература могла бы иметь, но что в ней отсутствует. Совесть не спит. Есть силы еще учиться. Но у кого, чему и почему?

Не важно у кого учиться. Лучше учиться у многих, ни от кого не впадая в духовную зависимость, ко всякому сохраняя чуткость ума, сердца и языка. Тем самым поверенный тебе талант приумножится.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Доступна он-лайн: <http://slovo.bg/showwork.php3?AuID=15&WorkID=92&Level=1>.
2. Доступна он-лайн: <http://liternet.bg/publish8/dvoinikov/krivo/index.html>.
3. Опыт Возрождения впервые сублимирован в романной форме в 1895 году (Иван Вазов, “Под игом”) с точки зрения той территории и той части нации, для которых процесс был уже скорее ‘перфектом’, чем ‘настоящим’: после Освобождения 1878 г. и Соединения (Мизии, или Княжества Болгария, с северной Фракией, т.е. с автономной Восточной Румелией) 1885 г. Обычный русский перевод термина “Съединение [подразумевается: Княжества Болгарии с Восточной Румелией]” – “Объединение [подразумевается: Болгарии]” несет смысловой оттенок, который искажает историческую перспективу. В болгарской историографии и культурной памяти “Съединение” – только этап процесса объединения Болгарии... Аналогичная сублимация в культурном потоке все еще дпящегося (точнее: затянувшегося) Возрождения произошла на 60 лет позже, в романной тетралогии (с реалистической

поэтикой) Димитрия Талева (1898-1966): “Железный светильник” (1952), “Ильин День” (1953), “Преспанские колокола” (1954), “Голосов ваших слышу” (1966).

4. Понятие “литература пост-средневекового типа” не следует путать с понятием “новоболгарская литература”. В первом случае в основу кладутся социология литературы и поэтика, во втором – фазисы жизни этноса (прежде всего). Начало новоболгарской литературы тот же Иван Шишманов, родоначальник академического литературоведения в Болгарии, усматривает в т. н. литературе дамаскинов, с конца XVI в. (“Когда начинается новоболгарская литература”, 1927 – Шишманов 1965-1971, 2: 314-316).

5. Следует заметить, на примере переводов с греческого: перевод-адаптация (“побългаряване”) возникает не сразу (Алексиева 1987: 262) и, вероятно, не сразу исчезает.

6. Это, в самом деле, посмертное издание рукописи 1960-70-х гг. (автор умер в 1998 г.). Мы не знаем, кому принадлежит решение опубликовать эту монографию без библиографического аппарата.

7. Основана купцом Василем Априловым (1789-1847), при помощи Неофита Рильского; с 1872 – гимназия. Успешно осуществляет эмансипацию болгарского просвещения от греческого.

8. Основатель первой светской эллино-болгарской школы в болгарских землях (Свиштов, 1815 г.).

9. Григор Пырличев (1830-1893), воспитанник Афинского университета, участвует в авторитетном литературном состязании в Афинах и удостоен лаврового венка за поэму “Арматолос” (“Сердар”, или “Воевода”), в 1860 г. Автор первого перевода “Иллиады” на болгарский (1871).

10. Два перевода на болгарский в 1852 г. Емко, сжато и литературнотеоретически выдержанно о переводной рецепции русской беллетристики в Болгарии до 1870-х см. в: Манолакев 1996.

11. До этого противоречия имели спорадический и социальный характер, см. Данова 2005 (ссылается утвердительно на работу Ивана Шишманова 1894 г.; содержит интересную библиографию).

12. Падение эллинофильских настроений в Европе к середине века (ср. Шишманов 1897: 5-9), вероятно, усугубляет анти-славянские, точнее анти-болгарские настроения среди греков, что неизбежно стимулирует обособление и отчуждение болгар.

13. Это, в общем, осознавалось к началу XX века – см. работу Пенчо Славейкова “Болгарская поэзия [Прежде и теперь]” (первая половина работы доступна он-лайн: http://www.libvar.bg/publications/slaveykov/text/bulg_poesia.html), 1906 г., Ивана Шишманова “Новый русский критик (Аким Вольнский)”, 1896, и др.

14. За исключением болгар, переселенных при Екатерине и ее наследниках (главным образом после Русско-турецкой войны 1828-1829 гг.) в Бесарабию и другие места Российской империи. Они находились в иной ситуации.

15. Показательно для роли французской культуры метонимическое понятие “алафранга” (букв. “на французский манер”): возникшее в 1840-х–50-х гг. как просторечное, оно фиксировало проникновение чуждых образцов и уклада жизни, заимствованных у Европы и, в конечном счете, у Франции (Генчев 1979: 384-385).

16. Итак, сдвиг с греческой на русскую ориентацию, дополняемую французской: обобщение, основанное на количественном подходе. Персонологический подход, выделяющий значимые с точки зрения формирующегося литературного канона фигуры и отказывающийся от подсчетов, дает несколько иную картину: возрастает удельный вес сербской и особенно украинской (“малорусской”) литературы (за счет “влияния” Доситея Обрадовича на Софрония Врачанского, Марка Вовчка и

Тараса Шевченко на Любена Каравелова), см. (Пенев 1910: 14-15). – От любых обобщений, однако, предостерегает скептическая констатация современного исследователя: “В литературе Болгарского возрождения [...] массив неидентифицированных иностранных произведений (художественных, научных, публицистических и проч.) отнюдь не малый. Их исследовательская судьба незавидна [...]” (Манолакев 2007: 230).

17. Среди более семи конститутивных признаков понятия “ориентация на иностранную [культуру]” (Fremdorientierung), предлагаемое в связи с тем Райнхардом Лауэром (Лауэр 1989: 264, 265), отметим следующие: культура, на которую ориентируются, служит посредником к третьим культурам: ранняя рецепция Ибсена, столь важного для болгарского литературного быта начала XX века, и Стриндберга осуществляется через немецкий язык (см.: Лауэр 1989: 278-279; ср. Преводна рецепция, 5: 74, 102 и др.); в культуре, на которую ориентируются, возникает реципрочный интерес (Лауэр 1989: 278-279). – Наблюдения Г. Тиханова (Тиханова 1998: 187-196 и сл.) оттеняют и углубляют некоторые положения статьи Лауэра.

18. “Болгарская поэзия [Прежде и теперь]” (1906) (Славейков 1922: 5-56 (36)), “Олаф ван Гелдерн” (1903, 1907) (Славейков 2001: 9-16 (12)). – Сдвиг с колеи русской ориентации своевременно подмечен писателем Антоном Страшимировым (1872–1937); свидетельство 1901 г.: “Давно у нас несмело сетуется на то, что наша литература уклоняется от [...] благотворного влияния русской литературы” (из рецензии на сборник стихов Пею Яворова; Страшимиров 1901: 35).

19. Кръстю Кръстев сравнивает Любена Каравелова и Христо Ботева (1848-1876) и попутно замечает: “Первый – летопись своей эпохи, переходного и случайного в ней; второй – творец нового мира, второй, высшей действительности [...]. Два типа художников слова, не чуждые ни одной литературе, но особенно характерные для судеб и развития русской, чьим отпрыском является наша.” (к.м.-Й.Л.; “Христо Ботйов. П. П. Славейков. Петко Тодоров. Пейо К. Яворов”, 1916 – Кръстев, 1: 272).

20. Газ. “Независимост”, г. IV, № 19 от 23.II.1874 г. Заглавие от современного нам составителя: [Давайте переводить полезное и необходимое].

21. См. Кръстев, “Задачи болгарской беллетристики” (1894) (Кръстев, 2: 189-196 (192 и сл.)). Ср. Славейков, “Пушкин как национальный поэт” (1899; Славейков 1925: 89-96) и “Потаенная скорбь поэта” (1899; Славейков 1925: 73-88). У Пушкина Славейков усматривает троинственный синтез: (1) проникновения в чужое с симпатией и отзывчивостью, (2) благой религиозности душевных настроений, объединяемых (3) особым идеализмом, в котором слышен голос социальной совести (см. ук. изд., с. 95 и 74).

22. И после Освобождения (1878 г.) переводы с балканских литератур сохраняют информативный характер, фрагментарность, установку на современные явления (а не на соответствующую национальную традицию), равнение по мнениям экстра-территориального центра (Парижа) (Румяна Станчева в: Преводна рецепция, 6: 330-331).

23. Напр., поэт Димитр Великсин (1840–1896) писал на болгарском, румынском, французском языках.

24. “Это большое, неисследованное, функционально неконципированное нами многоязычие по своим причинам и результатам качественно отличается от многоязычия «внутри-территориального» писателя XX в., так, как он дан Джорджем Стайнером” (там же; следует отсылка к: G. Steiner. Extraterritorial. Papers on Literature and Language Revolution. Faber & Faber, 1971).

25. Цитаты на древнегреческом, латыни, французском, русском, венгерском, итальянском, сербском, хорватском, немецком, польском, английском, турецком, румынском...

26. В культурном “багаже” многоязычного Славейкова существенное преимущество все же за двумя культурами – русской и немецкой (Георгиев 1997: 99/145). В деятельности Славейкова происходит инструментализация характерной для части болгарской интеллигенции раздвоенности между русской и (одной или другой) западноевропейской культурой: Западу поставляются интерпретации русской культуры (Георгиев 1997: 19-20/145), но это – другая тема.

ЛИТЕРАТУРА:

Алексиева 1987: Алексиева, Афродита. Преводната проза от гръцки през Възраждането. София: 1987.

Аретов 1990: Аретов, Николай. Преводната белетристика от първата половина на XIX век. Развитие, връзки с оригиналната книжнина, проблеми на рецепцията. София: 1990.

Аретов 1995: Аретов, Н. Българското Възраждане и Европа. София: 1995.

Аретов 2006: Аретов, Н. Национална митология и национална литература. София: 2006.

Аретов 2009а: Рецепцията на елинската митология в популярната книжнина. Анастас Гранитски и Пандели Кисимов. [on-line: Ж.: Литернет, № 3 (112), 2009:] <http://liternet.bg/publish8/naretov/recepciiata.htm#5a>.

Аретов 2009 б: Аретов, Н. Изобретение мифа о России. Българская княгиня Райна [В печати; доклад, прочитанный на конференции “Россия в многополярном мире: Образ России в Болгарии, образ Болгарии в России”, 26-28 окт. 2009 г., ИРЛИ (Пушкинский дом), СПб. Программу см. on-line: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9961>]

Гачев 1964: Гачев, Георгий. Ускоренное развитие литературы. На материале болгарской литературы первой половины XIX века. Москва, 1964.

Генчев 1979: Генчев, Николай. Франция в българското духовно възраждане. София: 1979.

Георгиев 1987: Георгиев, Никола. Тезиси по историята на новата българска литература. [on-line: Портал Литернет:] http://liternet.bg/publish/ngeorgiev/m_s/tezisi.htm (Первая публ.: Ж.: Литературна история, кн. 16, 1987).

Георгиев 1992: Георгиев, Н. Немскоезичните цитати у Пенчо Славейков. [on-line:] <http://liternet.bg/publish/ngeorgiev/cit/nemskoezichnite1.htm> (Первая публ. в: Никола Георгиев, Цитиращият човек в художествената литература, София, 1992)

Георгиев 1993: Георгиев, Н. Приложност и неприложност на българската литература. [on-line:] http://liternet.bg/publish/ngeorgiev/m_s/prilozhnost.htm (Первая публ.: Газ.: Култура, 1993, № 45; публ. на немецком яз.: *Angewandtheit und Nichtangewandtheit der bulgarischen Literatur*, в: Reinhard Lauer (Hrsg.), *Die bulgarische Literatur in alter und neuer Sicht*. Wiesbaden, 1997.)

Георгиев 1997: Георгиев, Н. Един почтителен манипулатор на Хайне в България (Опит върху приложната имагинистика). [on-line:] http://liternet.bg/publish/ngeorgiev/m_s/haine.htm (Первая публ.: Ein ehererbietiger Manipulator Heines in Bulgarien. В: *Germanica*, 4 Jg., 1997)

Данова 2005: Данова, Надя. Иван Шишманов и националният наратив. [on-line:] http://liternet.bg/publish16/n_danova/iv_shishmanov.htm

Жечев 1990: Жечев, Тончо. Въведение в новата българска литература. София: 1990.

Йорданов 1985: Йорданов, Христо. “Библиотека Св. Климент”. В: Периодика и литература [Энци. словарь болг. лит. периодики]. София, 1985 и сл. Т. 1. (с. 400-428).

- Критика 1981:** Българска възрожденска критика [Антология, 1858-1876]. Съст., предг. и бел. Г. Марков. София, 1981.
- Кръстев:** Кръстев, Кръстьо. Съчинения (в 2 т.). Съст. Л. Стаматов, С. Янев. София: 1996-2001.
- Лауэр 1989:** Lauer, Reinhard. Zur Frage der Fremdorientierung in der Bulgarischen Literatur. В: Kulturelle Traditionen in Bulgarien, hrsg. von R. Lauer und P. Schreiner. Göttingen, 1989 (S. 263-280).
- Манолакев 1996:** Манолакев, Христо. Между образа и четенето. Руската преводна белетристика през българското Възраждане. София, 1996.
- Манолакев 2007:** Манолакев, Христо. Мотивът за “руините” в българската възрожденска литература. Руините и езиците на романтичното клише. В: Под знака на европейските културни диалози: В памет на проф. Боян Ничев. Ред. Хр. Балабанова, Б. Минков, Д. Добрев. София, 2007 (с. 227-242).
- Минчев 1908:** Минчев, Стефан. Из историята на българския роман. I. Опит за литературно-исторични наблюдения върху развитието на романа през XIX в. до Освободителната война – 1877 год. София, 1908.
- Пенев 1910:** Пенев, Боян. Посоки и цели при проучване на новата ни литература. [Студия]. София, 1910. (Работа достъпна on-line: <http://liternet.bg/publish5/bpenev/istoria/1/0.htm>)
- Пенев 1985:** Пенев, Боян. Студии. Статии. Есета. Ред. Ив. Радев. София, 1985.
- Преводна рецепция:** Преводна рецепция на европейските литератури в България. София, 2000 и сл. Т. 5 (Скандинавски и прибалтийски литератури, 2003), Т. 6 (Балкански литератури, 2004).
- Свинтила 2008:** Свинтила, Владимир. Грифонът и химерата. Българската душевност през Възраждането. София, 2008.
- Славейков 1922:** Славейков, Пенчо. Българска литература. Кн. 1. София, 1922. (Събрани съчинения в 8 тома. София, 1921 и сл. Под ред. на Боян Пенев. Т. VI. Кн. 1 и 2).
- Славейков 1925:** Славейков, Пенчо. Чужди литератури. София, 1925. (Събрани съчинения в 8 тома. Т. VII).
- Славейков 2001:** Славейков, Пенчо. Епика. Съст., комент. и ред. Ст. Михайлова, К. Михайлов. София, 2001.
- Страшимиров 1901:** [Страшимиров, Антон]. [П.К. Яворов. Стихотворения: Рецензия]. Ж.: Наш живот (София), I (1901–1902), № 1 (с. 34-40).
- Тиханов 1998:** Тиханов, Галин. Жанровото съзнание на кръга „Мисъл“ (Към културната биография на българския модернизъм). София, 1998.
- Тодоров 1908:** Тодоров, Йордан (Юрдан). Историческо обяснение на вярата в “Дядо Иван” (Русия) у българския народ. [on-line:] http://liternet.bg/publish17/iu_trifonov/izbrani/istorichesko.htm (Первое изд.: София, 1908).
- Цанков, Стаматов 1985:** Цанков, Георги и Любомир Стаматов. „Мисъл“. В: Периодика и литература [Энци. словарь лит. периодики]. София, 1985 и сл. Т. 1. (с. 708-814).
- Шишманов 1897:** Шишманов, Иван. Славянски селища на остров Крит и на другите острови. Ж.: Български преглед, IV (1897), № 3 [38 с.; номера страниц даем по отделному оттиску. – Й.Л.].
- Шишманов 1899а:** Наченки на руско влияние в българската литература. Ж.: Български преглед, V (1898-1899), № 9-10 (с. 113-177; новая публ. в: Шишманов 1965-1971, I: 371-426; вариант на русском яз.: Русское влияние и Пушкин в болгарской литературе. В: А.С. Пушкин в южно-славянских литературах. Сборник изданный под редакцию орд. акад. В.И. Ягича. Сб. ОРЯС ИАН, т. LXX, № 2, СПб., 1901, 1-49).

Шишманов 1899 б: Руското влияние в езика и Богоровата реакция. Ж.: Български преглед, VI (1899-1900), № 2 (с. 106-127).

Шишманов 1965-1971: Шишманов, Иван. Избрани съчинения (в [3] т.). Под ред. на Г. Димов. София: 1965 и сл. Т. 1, Т. 2.